

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 882-2 : 17

ОБРАЗ А.Д. МЕНШИКОВА В ОРАТОРСКОЙ ПРОЗЕ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ (РЕЧИ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА И ИВАНА КРЕМЕНЕЦКОГО)

© 2002 О.М. Буранок

Самарский государственный педагогический университет

Настоящая статья посвящена раскрытию образа А.Д. Меншикова в творчестве двух писателей петровской эпохи – Феофана Прокоповича и Ивана Кременецкого

Об одном из самых ярких «птенцов гнезда Петрова» – А.Д. Меншикове – Феофан Прокопович не раз писал в разных словах и речах. В ораторском наследии первое «Слово похвальное в честь славных дел... Александра Даниловича Меншикова» было произнесено в присутствии князя в Киеве 5 декабря 1709 г. и напечатано было в типографии Киево-Печерской лавры. В эпитафии выражена главная идея слова – «восхвалим мужи славны...» (I, 52)¹. Слову предпослано предисловие, в котором проповедник нарочито опровергает идею, заложенную в эпитафии: «Всякая добродетель чуждого похваления не требует, сама себе слава и похвала суци: кольми паче преславные дела твоя, ... княже...» (I, 53). Антитеза «слово – дело» и в предисловии, и в данной речи станет одной из характерных черт в поэтике Прокоповича-оратора. В духе Петра и его реформ молодой проповедник раз и навсегда уяснил примат *дела над словом* в политике Петра. Есть в предисловии и отзвук древнерусской традиции нарочитого принижения автора по отношению к объекту его изображения – формула самоуничижения: «Не требоваху украшатиcя словом моим», «что убо худое слово мое к толикой сла-

ве? капли поистинну к морю пространному» (I, 53).

Речь открывается риторическим вопросом и даже сомнением, можно ли по внешности человека, по его «образу» судить о его делах и характере? Феофан утверждает, что «сие недоумение ты ныне разрешаеши, превеликий и превозжеленный гостю, ... княже...» (I, 57). В личности Меншикова его прежде всего интересуют «многие великие дела»: «на поли ратном», «в советех царских», «в правлении воинском», «в случаях и нуждах отечества», «в помощи царю». Далее панегирический стиль слова подкреплён пышной, витиеватой метафорой: смотрящему на струи воды необходимо поискать источник, из которого изливаются потоки, «поищем источника всех толь славных его превосходительства добродетелей...» (I, 60). Однако политически эта метафора была коварной: общеизвестно было, что родители Меншикова происходили из «подлого» сословия. Хитрый Феофан изворачивается, прибегая к новой метафоре: «Но что глаголю искати источника? о Ниле славной реце Египетстей глаголют, яко начало его неизвестно есть» (I, 60). В итоге, источником всех и вся в России, по Феофану, является Пётр I и верность князя ему. «Сия есть семя, корень, источник, сия начало и глава есть всех его трудов и подвигов...» (I, 60). Усматривается влияние античной риторики и традиции древнерусского стиля «плетение словес». Тема верности монарху и любви к нему, а значит, к оте-

¹ Прокопович Феофан. Слова и речи... Ч. I. СПб., 1760; Ч. II. СПб., 1761; Ч. III. СПб., 1765; Ч. IV. СПб., 1774. В тексте статьи номер части указывается римской цифрой, далее после запятой – номер страницы арабской цифрой.

честву – одна из основных в слове. Отсюда проистекают верность царю и отечеству, а затем трудолюбие, храбрость, а от неверности – разорение, слабость, коварство. В слове хорошо видно, как выработываются основные черты поэтики ораторской прозы Феофана: метафоричность, умеренная, строго взвешенная витиеватость, исторические параллели, чувство политической сиюминутности, актуализация речи, неоднократное обращение к «слушателям».

Рассуждение о верности и любви светлейшего к монарху сменяется рассуждением о любви монарха к подданным. «Аще бо кого монархи любят, не в суете любят» (I, 62). Феофан вдаётся вновь в далёкие исторические параллели, характеризуя любовь монарха и советника: Иосиф у фараона, Давид у Иоанна, Ванесас у Давида, Ефестион у Александра – «то ныне есть сей Александр у Петра» (I, 63). Феофан закладывает в слове основы института фаворитизма в России и, как всегда, это делает основательно: исторические параллели, примеры из античной и библейской истории (высокие образцы должны были у слушателей вызвать положительные эмоции). Отметая упреки в лести, подобострастии, Прокопович стремится идеологически обосновать этот институт, но при этом не забывает о психологической проработанности проблемы. Верность царю и отечеству доказывается далее конкретными со стороны Меншикова делами, подвигами, поступками, с одной стороны, и вместе с тем Феофан вводит понятие искренности: не просто любовь, а искренняя любовь Меншикова ко всему российскому народу – вот высшая степень патриотизма. «Аще бо любить главу, любить все тело: любить корень, любить ветви: любить основание, любить все здание» (I, 63; знаки препинания даны по оригиналу).

Из многочисленных «преславных дел» А.Д.Меншикова Феофан выделяет три его победы на поле брани и делает «слушателей» участниками этих битв, говоря:

– «Воззрим на поле Калишское...» (I, 64). Рисует батальная сцена,

которая вслед за «Панегириком» открывает батальную словесную живопись в отечественной литературе. С полным знанием дела (вплоть до расстановки полков), с характеристикой географии битвы, Феофан описывает это сражение.

– «Пусти очи на Батурине...» (I, 65). Здесь в меньшей степени характеризуется сама битва, а в большей степени из уст Феофана сыплются проклятия на голову изменника – Мазепу. Вновь обыгрывается оппозиция «верность – измена», усугубляемая коварством, отступничеством «изменника-супостата». Только верность и храбрость князя разрушили «гнездилище и прибежище всех сил противных» (I, 66).

– «Прейдем отсюда под Переволочну...» (I, 66). Радость от «преславной победы Полтавской» трансформируется в радость от того, что сотворил светлейший князь под Переволочным: бежавших с полтавского поля битвы врагов Меншиков преследовал, избивал, уничтожал.

Верность Меншикова характеризуется у Феофана эпитетом «многплодна». Уделяет внимание оратор и общественной деятельности Меншикова: «Глаголах о делех добру общему полезных» (I, 67) – помощь нуждающимся, заступничество и особенно помощь церкви («волнуемой святой церкви подает руку помощи» (I, 69).

В 1709 г. Феофан Прокопович был уже префектом училищ киевских, поэтому в слове находим прошение оратора от имени всего «училищного собрания» о заступничестве о том, чтобы светлейший князь принял их под своё «защитение» (I, 70). За много лет до написания М.В.Ломоносовым «Оды на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1747 года» Феофан поднимает тему российского юношества, тему просвещения. «Дом сей училищный в крепкое твое приимеши призрение, возрастут и умножатся учения и училища; велико бо здание великаго основания требует» (I, 70). «Просветитель в рясе» (Н.К.Гудзий) призывает умножить «доброхотство» к учению российских юношей, от чего «всей России немалая пребудет слава» (I, 71).

Не преминул обыграть имя светлейшего князя. В конце речи он сравнивает Александра Меншикова с Александром Великим, а любовь и верность Ефестиона к Александру сравнивает с любовью Александра к Петру I (I, 71). Сам Александр Невский является ангелом-хранителем князя Меншикова. «Чудное воистинну смотрение! аки бы отродился нам Невский оный Александр: тожде имя, таяжде храбрость, тоежде благочестие, единый и тоейжде земли обладатель, одинаго и тоежде нврода супостатскаго победитель» (I, 73). Феофан имеет в виду генерал-губернаторство новой столицы А.Д.Меншикова и присвоение ему титула князя Ижерского. В этом проповедник усматривает божий промысел и божеское покровительство своему герою. Всё «божим призрением исполнится: будет, будет», — утверждает Феофан Прокопович (I, 73).

«Речь поздравительная светлейшему князю Александру Даниловичу Меншикову» не датирована, помещена последней в конце третьей части «Слов и речей...» Феофана Прокоповича, однако издатель С.В.Наковальнин даёт примечание: «Сие и следующие слова проповеданы в Киеве, а которых годов не известно» (III, 254). Речь небольшая, буквально на одну страницу; по своей краткости, она не могла быть произнесена ни в Софийском соборе, ни при большом скоплении народа; скорее всего, это речь-тост. Главная мысль речи соответствует одной из идей предшествующего слова: в лице Меншикова присутствующие лицезреют «лице монаршеское, аки в живом зеркале» (III, 351). Вновь использует художественную деталь «двойного медальона»: Иоанн — Давид, Ефистон — Александр и Александр — Пётр («Петру во Александре поклоняемся» — III, 352). Речь носит чисто комплиментарный характер и не отличается каким-либо риторическим изыском.

Учащийся Славяно-греко-латинской академии Иван Кременецкий, живший в доме А.Д.Меншикова, написал к именинам князя «Ляврею или венец безсмертных славы... Александру Дани-

ловичу Меншикову во знамение победительных почести соплется» (СПб., 1714)². В составе книги имеются стихи, посвящённые князю, предисловие и некое слово, в котором И.Кременецкий пытается доказать благородное происхождение А.Д.Меншикова, будто бы происходившего от дворян княжества Литовского, обстоятельно говорит о воинских заслугах князя. Общим местом для ораторской прозы этого периода являлось указание на близость А.Д.Меншикова к царю, на его верность: «Зрит царь, и се он (А.Д.Меншиков — О.Б.) за него на мечи, на копия, на стрелы, на огни, на тысящу смерти готов есть простертися»³. В духе Феофана Прокоповича А.Д.Меншиков сравнивается с Александром Македонским и Александром Невским, т.е. обыгрывается имя. Оратор перечисляет славные победы, в которых участвовал А.Д.Меншиков, в том числе Полтаву и бой у Переврлочной. Ещё одним традиционным для ораторской прозы приёмом, используемом при описании А.Д.Меншикова, стала параллель А.Д.Меншиков — Пётр, присутствует она и у И.Кременецкого.

В первом томе Слов и речей Феофана Прокоповича ошибочно опубликована как принадлежащая ему речь И.Кременецкого — «Речь которую его царское величество Пётр Первый по возвращении своем из чужих краев в Санкт-петербург именем всего Российскаго народа поздравлен» (21 октября 1717 г.).

Принадлежность этой речи Кременецкому установил И.П.Ерёмин⁴.

Однако показательно, что С.В.Наковальнин включил данную речь

² См.: Гребенюк В.П. Панегирические произведения первой четверти XVIII в. и их связь с петровскими преобразованиями // Панегирическая литература петровского времени. М., 1979. С. 72–74.

³ Цит. по: Гребенюк В.П. Панегирические произведения первой четверти XVIII в. и их связь с петровскими преобразованиями // Панегирическая литература петровского времени. М., 1979. С. 74.

⁴ Ерёмин И.П. Предисловие // Прокопович Феофан. Сочинения / Под ред. И.П.Ерёмина. М.; Л., 1961. С. 5.

в состав слов и речей Феофана Прокоповича, настолько они похожи, и эту речь многое объединяет с речами этого периода Феофана Прокоповича.

А.М.Панченко пишет о том, что «писатель, сочиняющий по обету или внутреннему убеждению, сменяется грамотеем, пишущим по заказу или прямо “по указу”. Пётр делал такие заказы или лицам, или учреждениям, Славяно-греко-латинской академии, например (учёный даёт ссылку на П.П.Пекарского – О.Б.). Это самый распространённый тип петровского времени. Илья Копиевский и Иван Кременецкий, вообще типографские справщики во главе с самим Фёдором Поликарповым – это в сущности литературные подёнщики, такие же, как барон Гюйссен, много прославлявший Петра перед Европой»⁵.

В Петровскую эпоху сложилась традиция произносить слова и речи «от имени», традиция стала модной, и пик этой моды пришёлся на 10–20-е гг. XVIII столетия: от имени царских детей (например, у Феофана Прокоповича от имени царевен Анны, Елизаветы, Петра Петровича и т.д.), а в данном случае – от имени «всего российского народа».

Всё вступление (приступ) организовано на повторе глагола «тщится» (т.е. желает, стремится, имеет усердие): «тщится» Россия, народ ради бессмертной славы монархии, ради «великих, новых и славных дел», ради «правды и мира», храбрости, трудов и подвигов – «се-го предъусрести тщится, его же имя кратко Пётр, но в долготу дней вечно пребывающее, прелюбезное и сладкое от тщания России всерадостного! тщания всеохотного» (I, 176). Сближает эти речи и постоянное обращение «к слышателям». Основная часть логически вытекает из приступа. В чём сказалось «тщание» России и «тщание» самодержца? – «Тщанием России, от тщания быти государя ея» (I, 178). Далее описываются дела гражданские и воинские, что уже сделано в России, упоминается баталия на

море и пленение «свейской» эскадры с Шаутбеймахтом в 1714 г. и на двух страницах идёт почти сплошным текстом ответ на то, кто содеял все многочисленные деяния эпохи, – Пётр I (I, 180–182). Такого откровенного, льстивого восхваления, неумеренного повтора, что называется, «вперехлёт», у Феофана Прокоповича всё-таки не было, он, безусловно, обладал чувством меры в употреблении повторов, в нагнетании образов. Более 15 раз прозвучало сочетание «Пётр Первый» в речи у И.Кременецкого, и затем опять почти через каждое предложение повторяются слова «тщится» и «тщание». Словесная формула «тщится Россия, тщится Пётр» доминирует в тексте, риторическая фигура перерастает в словесное злоупотребление. В отличие от слов Феофана у И.Кременецкого нет исторических параллелей, слабое использование библейских и античных реминисценций, только на с. 187–178 упоминаются Гораций, император Август, Иракий, Ахиллес, Ромул и др.

Далее от имени Российского народа И.Кременецкий описывает печаль, «уныние градов» (I, 191) от того, что так долго не было государя в России. «Возвратился еси, радуемся убо, веселимся, играем и торжествуем» (I, 191). И вновь почти на страницу эксплуатация повтора «возвратился еси». Автор гордится тем, с какой честью и славой принимали и в Англии, и в Голландии, и в Дании, и во Франции нашего монарха. От этого в душе автора наступает «блаженство» (I, 193). В духе всех ораторов того времени И.Кременецкий обыгрывает имя Петра – «камень», но есть интересная трансформация: кто попытается «угрысть» – «со-трёт зубы своя» (I, 194). Заканчивается речь описанием того, как Россия и россияне обращают к царю-самодержцу свои сердца, горящие пламенем любви (I, 195).

И.Кременецкий, судя по этим ораторским произведениям, хорошо был знаком с теорией и практикой ораторского искусства Петровской эпохи. Он усвоил не только классические образцы, но вполне овладел современными для того

⁵ Панченко А.М. О смене писательского типа в петровскую эпоху // XVIII век: Сб. 9. Л., 1974. С. 125.

времени приёмами, языком, поэтикой, риторикой слов и речей. Не случайно то обстоятельство, что даже ближайшее поколение к Феофану Прокоповичу культурных деятелей, в частности Наковальнина, людей весьма искушённых в своём деле, приписали эту речь Феофану и поместили её в собрание его слов и речей.

Она вполне укладывается в общий свод словесной культуры Петровской эпохи. Вместе с тем, при ближайшем, текстуальном рассмотрении и сопоставлении речи И.Кременецкого и Феофана, всё-таки усматривается вторичность речи и подражание Прокоповичу, поскольку утрачивается его манера.

**THE IMAGE OF A.D. MENSHIKOV IN ORATORICAL PROSE
IN THE EPOCH OF PETER THE GREAT
(PHEOPHAN PROKOPOVICH AND IVAN KREMENETSKY SPEECHES)**

© 2002 O.M. Buranok

Samara State Pedagogical University

The article is devoted to reveal of the image of A.D.Menshikov in the creation of two writers of the epoch of Peter The Great – Pheophan Prokopovich and Ivan Kremenetsky

РЕГУЛЯТОРЫ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ В АКТЕ РАССКАЗЫВАНИЯ

© 2002 Н.К. Данилова

Самарский государственный университет

Статья посвящена исследованию роли системы ориентации субъекта в реализации различных коммуникативных моделей в акте рассказывания (повествовательном дискурсе). Рассматривая возникающую в процессе развертывания повествования систему внутренних и внешних референций как область взаимного ориентирования, автор исследует изменение векторов интенциональности в системе ориентации субъекта как отражение процессов формирования системы отсчета в каждой фазе развертывания дискурса.

Последующее изложение посвящено вопросам литературной коммуникации и роли языка в организации коммуникативного взаимодействия в условиях, в которых отсутствует непосредственный контакт между участниками и общение совершается в сфере рефлексивной деятельности, являясь «коммуникацией внутри понимания» [1, с.277]. Особый интерес в этом процессе представляют следующие оппозиции, определяющие способ использования языка и характер языкового поведения в литературной практике: отношения между реальной и фиктивной (моделируемой) ситуацией общения, отношения между актом рассказывания (повествовательным дискурсом) и «историей», отношения между дискурсивным и нарративным уровнем организации повествования. Отношения между реальной и моделируемой речевой ситуациями предоставляют в распоряжение исследователя возможность наблюдать дискурсивные процессы, реализующие весь диапазон деятельности, использующей прагматический потенциал языка, поэтому мы обратимся, в первую очередь, к оппозиции «внешняя – внутренняя» коммуникация. Возможная проблема, возникающая в связи с процессами языкового регулирования литературной коммуникации, сформулирована нами как исследование системного языкового действия, направленного на создание сети внутренних и внешних референций, становящейся основой понимания и интерпретации языковых символов для участников общения. Анализ приобрета-

ет тем самым дискурсивный характер, выходя за пределы уникального формально-содержательного единства, каким является повествовательный текст, и обращаясь на поиск общих принципов организации сложного коммуникативного события, литературного дискурса. Ядром системы референций становится, согласно нашей гипотезе, категория субъекта высказывания, чья роль в формировании коммуникативного взаимодействия определена ее участием в интегративных процессах, внутреннее напряжение в которых создается между требованиями внутренней свободы, идущими от интенциональности творческого процесса, и закономерностями, свойственными, с одной стороны, дискурсивной практике, с другой, системе языка. Использование в процессе структурирования повествования системного знака, известного в немецкой традиции как система ориентации субъекта (Origo-System), обнаруживает факты, свидетельствующие о своеобразном конфликте, возникающем в литературной коммуникации, и о том, какими способами язык позволяет разрешить этот конфликт.

Предпосылкой развития дискурсивного анализа на современном этапе становится потребность в развитии эмпирической теории деятельности, в создании которой лингвистическому анализу отведено значимое место. Изучение дискурсивных процессов, связанное с пониманием дискурса как единства языковой формы, сознания и действия [2, с.121],

ставит перед собой цель выявить общие принципы, которые лежат в основе речевого события и свойственны языковой деятельности, независимо от формы ее проявления. Существование подобных принципов обусловлено законами развития и функционирования когнитивных систем индивидуумов и дискурсивными правилами, по которым осуществляется взаимодействие между ними.

Коммуникативное событие во всем диапазоне его действия, от непосредственной речевой ситуации до глобальной социальной коммуникации во всей полноте определяющих ее факторов, располагается в фокусе проблемного поля дискурсивных исследований. Дискурсивный анализ выступает в качестве своеобразного объединяющего начала лингвистики текста и теории речевых актов, традиционно разделенных по причине того, что объектами исследования в них является устная и письменная коммуникация. Объединяющая роль дискурсивного анализа, имеющего общие с лингвистикой текста и теории речевых актов когнитивные основания [3, с.229], позволяет положить конец неоправданному противопоставлению дискурса и текста. В связке «дискурс-текст», отражающей соотношение процесса и результата, дискурсу принадлежит роль коммуникативного процесса, развивающегося по сценарию, свойственному интерактивному событию.

Понятие дискурса на современном этапе развития науки переживает определенную эволюцию, следствием которой является изменение представлений о дискурсе с понимания его как субъектно-ориентированного использования знаков, главным признаком которого является присваивание языка индивидуумом [4], на его трактовку как интерсубъективного вербального действия, направленного на взаимопонимание участников общения. Диалогичность языковой деятельности, обязательность для существования коммуникативного события двух субъектов, вступающих в диалог между собой посредством текстов, определяют вербальное поведение индивидуумов в любом

виде коммуникации, однако роль интеракции возрастает в дискурсе, сложной форме речевого общения. Дискурс в интерсубъективной перспективе рассматривается как сеть внутренних референций, производных от совместных усилий субъектов коммуникации. Вновь возникающая референтная система рождается, замечает Л.Витген-штейн, в совместном поведении людей, способных ее интерпретировать [5, с.162]. Смещение акцента с эгоцентрического использования языка на дискурсивное взаимодействие субъектов позволяет изменить постановку проблемы и иначе сформулировать задачу, стоящую перед исследованием дискурсивных процессов в литературной коммуникации. Центральной проблемой дискурсии становится конфликт интересов субъекта, присваивающего язык, и социума, для которого использование языка является базовым интенциональным действием, имеющим важные социальные последствия. Существуют ли условия, позволяющие примирить конфликт интересов индивидуума и общества? Возможно ли определение общих принципов дискурсивного поведения в литературной практике, отличающейся бесконечным разнообразием дискурсивных форм? Современная парадигма знания предоставляет в распоряжение лингвистического дискурсивного анализа ряд категориальных моделей, позволяющих приблизиться к решению этой проблемы.

Концептуальным фоном для исследования литературной коммуникации может служить категориальная модель интеракции, разрабатываемая Й.Хабермасом. В комплексной структуре общения, создаваемой перспективами говорящего и мировыми перспективами (представлениями об объективном, социальном и субъективном мирах), дискурс исследуется как высшая форма интеракции, отличающаяся от других форм вербального общения фактором наблюдателя со свойственной ему системной перспективой. Если межличностная интеракция, лежащая в основе коммуникативного события, характеризуется спо-

способностью говорящего учесть точку зрения партнера, дискурс как высшая форма интеракции требует от участников общения способности видеть события и факты с точки зрения аналитика, способного учесть достоинства и недостатки предлагаемых для понимания версий. Фактор наблюдателя, позиция «третьей личности», не участвующей непосредственно в общении, оказывается решающей в процессе достижения согласия и понимания сообщения, так как с ее введением в структуру интеракции появляется возможность децентрированного миропонимания, т.е. обращенности к истине, трактуемой Й.Хабермасом как достижение консенсуса между участниками общения [6, с.200]. Выведенные Й.Хабермасом коммуникативные структуры господствуют над говорящими и действующими субъектами в символически опосредованной интеракции. Будучи рефлексивной формой интеракции, дискурс ориентирован на гипотетическую установку, предполагающую последовательность процедур аргументированной проверки истины. Дискурсивная форма речи, ассоциируемая с дискуссией и процедурой аргументированного обоснования моральных принципов, означает как высшая ступень коммуникативного взаимодействия выход за пределы жизненного мира и обращение к поиску истины, что свойственно, не в последнюю очередь, литературному (нарративному) дискурсу, творению, в котором «слышен голос истины, освобожденной от забвения» [1, с.161].

Являясь формой коллективной рефлексии, литературный (нарративный) дискурс отражает в своем строении двойственность коммуникативной организации этой формы вербальной деятельности, находящей выражение в том, что коммуникативный диалог в ней удваивается, существуя одновременно в реальном и виртуальном виде. Внешняя (реальное взаимодействие создателя и получателя текста) и внутренняя (фиктивный диалог автора и читателя) коммуникация развиваются на разных основаниях и преследуют различные цели.

Двойственность коммуникативной организации определяет многомерное строение литературного (нарративного) дискурса, в котором языковые формы призваны реализовать отношения, свойственные разным измерениям смысла, что позволяет увидеть за внешне сходными явлениями языковые факты разной природы, создающие феномен бесконечной «коммуникации смыслов». Базисная оппозиция между внешней и внутренней коммуникативными ситуациями ставит вопрос о принципиальном различии коммуникативных моделей, лежащих в основе реального и виртуального диалога.

Литературный дискурс включен в социальную интеракцию благодаря тому, что внешняя коммуникация строится как «область наблюдателя». Следствием действия принципа наблюдателя становится нейтрализация позиций автора и читателя внутри этой суперпозиции, «вбирающей в себя обе коммуникативные перспективы говорящего. Интеракция выступает как антипод стратегического действия, реализующего личные потребности субъекта. Базисные модели коммуникации, эгоцентрическая (стратегическая), межличностная и интерактивная, различаются различным положением в них категории наблюдателя, занимающей своеобразное «трикстерное» положение в двух последних. Эгоцентрическая модель в комплексной структуре общения представляет собой наиболее элементарную форму в отличие от двух интерактивных моделей, межличностной и дискурсивной. Схема ролей в обеих интерактивных структурах может быть представлена следующим образом: в межличностной коммуникации отношения между перспективами говорящего Я и Ты доминируют над системной позицией: субъект речи → (наблюдатель) < - адресат, в то время как в интерактивном действии категория наблюдателя подчиняет себе перспективы говорящего: (субъект речи) <- наблюдатель → (адресат). Очевидно, что дискурсивная коммуникативная модель имеет в основе отказ субъекта от собственной позиции в пользу социально значимого и связанно-

го с нормами интеракции системного понимания явлений. Подобное положение дел характерно для литературной дискурсии, что получает косвенное подтверждение в тезисе М.М.Бахтина о том, что эстетическое событие предполагает «конститутивное отношение одного сознания к другому». Следствием диалогичности эстетического события становится рождение «содержательной формы», в которой отношение «автор-герой» пронизано обращенностью к Другому, внешнему Адресату [7, с.113].

Проблема свободы и социальной регуляции дискурсивных действий порождает дискуссию по поводу того, является ли дискурсия деятельностью или поведением. Дискурсивная деятельность как бесконечно длящийся процесс познания касается всех аспектов формирования человеческой культуры и создания мировоззренческой картины мира и затрагивает вопросы проективной дискурсивной деятельности, связанные с непосредственным употреблением языка, главным образом, вопросы следования правилам проекции, заложенным в механизме языка. Дискурсивное поведение подчиняется правилам социальной деятельности, определенным условиями дискурсивных практик. Решение проблемы было предложено Г.Х. фон Вригтом, выделившим момент интенциональности поведения. Г.Х. фон Вригт различает в деятельности два аспекта: внутренний - мыслительную деятельность, и внешний аспект - поведение. Внутренний аспект связан с интенциональностью, понимаемой автором как намерение, стоящее за внешними поведенческими проявлениями действия [8, с.119]. Отказываясь от понимания интенциональности как особого переживания, сопровождающего поведение, фон Вригт определяет интенциональность как связь поведения с намерением нечто осуществить, как устремленность поведения на некоторый объект, при этом в качестве объекта интендирувания рассматривается то, что индивидуум предполагает совершить (как видим. речь идет о прагматической интенциональности). Поведение получа-

ет описание через понятие «действия», это поведение, к которому применимо подлинно телеологическое объяснение. Поведение приобретает интенциональный характер, если он понято самим агентом или внешним наблюдателем в более широкой перспективе, если оно помещено в контекст целей и когнитивных установок. Особенностью вербального поведения в условиях литературной коммуникации является его рефлексивный характер, определенный гипотетической установкой на сферу «возможного». Подводя некоторые итоги сказанному, можно утверждать, что коммуникация в литературной практике представляет собой интенциональное вербальное поведение, относящееся к сфере рефлексии, осуществление которого предполагает наличие определенных коммуникативных и когнитивных стратегий создателя и получателя сообщения. Как действуют языковые знаки в сложном комплексе когнитивных и коммуникативных стратегий участников общения, отражающих ситуацию действия в дискурсе? Как соотносится ситуация действия и ситуация речи в акте рассказывания (повествовательном дискурсе), определяющем структуру повествования?

В акте рассказывания, согласно нашей гипотезе, совершается выбор коммуникативной структуры, в процессе которого разрешается конфликт между эгоцентрической (реализуемой в субъектных перспективах) межличностной (лежащей в основе фиктивного диалога автора и читателя) и интерактивной (дискурсивной) моделями общения. Возможности для выполнения этой функции даны в языке в специальных системных знаках, системах ориентации субъекта. Система координат речевого акта, *Origo-System*, открытая и описанная К.Бюлером [9], обладает необходимыми исходными характеристиками, позволяющими ей удовлетворять условиям литературной коммуникации. В системе ориентации, включающей координаты Я – Здесь – Сейчас, имплицитно дана структура интеракции (так, Э.Бенвенист отмечает потенциальную обращенность

координаты Я к собеседнику Ты). Системный знак обладает такими необходимыми для реализации дискурсивных процессов качествами, как операциональность (высокая степень синтаксической свободы), и полифункциональность. Система ориентации субъекта содержит «пустые» знаки, свободные от референтной соотнесенности с действительностью и готовые, по замечанию Э.Бенвениста, для употребления, «как только говорящий субъект использует их в акте речи» [4, с.288]. Наполнение «пустых» знаков определено потребностями коммуникации. Отличительной особенностью системы ориентации субъекта является его системность, существование нулевой точки, *Origo*, в которой сходятся все три координаты, лица, времени и место, что дает знаку возможность участия в процессах интеллектуального синтеза. Синтезирующая функция системы ориентации выделена О.Розенштоком-Хюсси, обозначившим акт говорения как «связывание мира» [10, с.54]. Сотворение времени и пространства в качестве основы этого процесса совершается, по мысли автора, в каждом акте речи и местом этого акта становится коммуникативная ситуация. Речь создает внутреннее и внешнее пространство (Я-Он) и время, устремленное назад и вперед (Я-Ты). В двух процессах, пространственно ориентированном и связывающем внутренний мир субъекта и внешний, объектный мир, и временно ориентированном, содержащем течение времени от прошлого к будущему, координаты «Здесь» и «Сейчас» оказываются в точке пересечения. «Здесь» стражает момент соединения внутреннего и внешнего пространства, «Сейчас» помещается в промежутке между началом и концом события.

Смысл «связывания мира» определен Л.Витгенштейном в другой категориальной модели, важной для понимания дискурсивных процессов, языковой игре, или «контексте, составленном языком и деятельностью». [5, с.119]. Языковое действие рассматривается автором как форма, в «плену которой мы находимся», как «способ рассмотрения вещей». Явля-

ясь инструментом, с помощью которого пользователь языка направляет внимание собеседника на вещи, заслуживающие особого рассмотрения, язык организует взаимодействие участников общения, создавая систему отсылок к наиболее значимым для понимания моментам смысла и выступая как средство управления вниманием собеседника относительно объектов в их взаимосвязи. Идея языковой игры получает дальнейшее развитие в другой, лингвистической концепции коммуникативного взаимодействия, в которой область дискурса рассматривается как область ориентирующих актов поведения [11, с.132]. В концепции У.Матураны языку отводится роль средства, создающего «кооперативную область взаимодействия между говорящими субъектами путем выработки общей системы отсчета». Области дискурса в понимании У.Матураны свойственно определенное неравноправие коммуникативных ролей. Если создатель сообщения формирует определенную систему денотатов, то его получатель реализует в процессе декодирования коннотации, связанные в его сознании с обозначенной связью объектов, что делает необходимым существование системы отсчета, общей для коммуникантов. Языку отведена функция координации интенциональных действий субъектов общения, для осуществления которой необходима позиция наблюдателя. Категория наблюдателя (в качестве координатора совместных усилий) обнаруживает, как мы видим, эвристическую ценность в категориальных моделях Й.Хабермаса и У.Матураны и в обоих случаях обнаруживает свою базовую принадлежность, как к содержательной, так и к коммуникативной организации дискурсивных процессов.

Понимание дискурсии как интенциональных действий, включенных в структуру интеракции, меняет представление о характере референтных связей в системе, объединяющей собеседников в дискурсивном общении. Лингвистический дискурсивный анализ позволяет выделить среди множества явлений,

своих процессу развертывания дискурса, параметры, необходимые для создания системы референций как основы взаимопонимания участников коммуникации и способствующие рождению той самой «содержательной формы», о которой говорит М.М.Бахтин. Речь идет не только, и не столько о референции к действительности (уже присутствующей в языковом значении), сколько о возникновении области «ориентирования» собеседников внутри определенным образом организованной модели действительности. Создаваемая в процессе дискуссии референтная система призвана актуализировать необходимые для коммуникативного взаимодействия связи концептов и представлений и вовлечь в процесс актуализации когнитивные системы коммуникантов. Возникающая система внутренних и внешних референций «подключает» к выстраиваемым в тексте денотативным связям множество коннотаций, существующих в индивидуальном опыте собеседника. Действие языковых средств направлено при этом на создание «поля понимания» для собеседников, на формирование необходимой для правильного декодирования смысла системы отсчета. Система отсчета образует, по нашему мнению, базу («матрицу смысла») текста, способную управлять декодированием в процессе восприятия смысла. Как создается эта «управляющая» вниманием собеседников система в том случае, когда отсутствует непосредственная соотнесенность с действительностью? Л.Витгенштейн отвечает на этот вопрос радикальным образом, выводя референтную систему из совместного поведения участников общения и подчеркивая, что не существует чего-то, что стояло бы за языком. Язык как механизм, действием которого создается видение объекта, становится условием возникновения ментальных объектов, ценность которых определена их местом в системе референций. В языковой игре языковые формы функционируют как способ ориентации в создаваемой ментальной модели действительности, внутри которой выстраивается определенная последова-

тельность векторов, отражающих изменение направления интенции (смену объектов интендирования).

Обращаясь к отношению между коммуникативной ситуацией и ситуацией речи, проследим, как система ориентации субъекта реализует в рисунке векторов интенциональности различные модели коммуникации. Система ориентации субъекта отражает наиболее полно, по нашему мнению, движение векторов интенциональности, лежащее в основе референтной «модели мира» в каждом акте использования языка. Проследим движение векторов интенциональности в повествовательном дискурсе, лежащим в основе интенсивных повествовательных форм, свойственных коротким рассказам Г.Гессе.

Реальная коммуникативная ситуация, как было отмечено выше, организована позицией наблюдателя и имеет в качестве общего для автора и читателя ориентира систему норм и ценностей, принятую в определенном социуме. Действие системных представлений, содержащихся в сознании каждого, определено тождеством «картины мира», позволяющем участникам общения занимать суперпозицию наблюдателя, находящегося вне событий. По сути дела, реальная коммуникативная ситуация предлагает всего одну позицию для автора и читателя, позицию «внеаходимости», как ее называет М.М.Бахтин. Категория наблюдателя определяет строение канонической формы повествования от третьего лица. Изложение принимает вид последовательности речевых актов, в которой действует система ориентации с невыраженной (нулевой) позицией говорящих субъектов и субъектом событийного пространства в качестве центра ориентации. Вместе с тем, не существует однозначного понимания того, является ли субъект событийного пространства организующим центром системы отсчета в семантическом мире повествования или речь идет об имплицитно данной фигуре наблюдателя, которая, действительно, занимает позицию ORIGO. Возможность решения этой проблемы содержится, как

нам кажется, в анализе коммуникативных перспектив и деятельностных ориентаций, свойственных позиции субъекта в акте рассказывания.

Интерсубъективная (дискурсивная) коммуникативная модель представлена в коротких рассказах двумя вариантами, одному из которых свойственны симметричные (равноправные) отношения, а другому – асимметричные (неравноправные). В основу симметричной дискурсивной модели положена временная модель настоящего или настоящего-будущего, с которой связан актуальный модус интенциональности, при котором события представляются сознанию индивидуума в их реальности [12, с.14]. В рассказе Г.Гессе «Die Brücke» актуальный модус реализуется в форме изъявительного наклонения и глагольной форме настоящего времени. Позицию субъекта высказывания занимает наименование пространства, придающее изложению характер нейтрального (вне-субъектного) повествования: (1) «Auf einer Brücke führt die Straße über den Bergbach hin und am Wasserfall vorbei» [14, с.37]. Координатная система начального высказывания, создаваемая с помощью дейктических глагольных приставок и пространственных предлогов (über den Bergbach hin, am Wasserfall vorbei), указывает на существование определенной точки отсчета, без которой пространственное указание не может быть истолковано. Подобное положение координатной системы свидетельствует о присутствии наблюдателя, чья позиция определяет возможность идентификации вводимой системы пространственных и временных ориентиров. Координатная система отличается от системы ориентации субъекта ее ориентированностью на наблюдателя, что придает ей универсальный характер, положение субъекта в этой системе отсчета стабильно и не нуждается в оправдании. В известном смысле координатная система является продолжением системы ориентации, что становится очевидным из факта признания необходимости для ее понимания точки отсчета. Обнаруживаемой в процессе анализа характерной

особенностью вне-субъектного повествования является его ориентированность на внешнюю коммуникативную ситуацию. Имплицитно данный наблюдатель в симметричной интерактивной модели идеально соответствует реальной коммуникации, так как вся система референций строится с учетом его позиции. Выбор нулевой формы для субъекта действия не случаен, так именно такая диспозиция повествования служит наилучшим образом связи с реальной коммуникацией, совпадая с ней по принципу организации. Кроме наблюдателя в субъектной (нулевой) позиции дискурса используется субъект восприятия, определяющий направленность интенционального вектора от внешнего к внутреннему миру.

Если коммуникативная перспектива наблюдателя совмещена с деятельностной ориентацией субъекта рефлексии, общий векторный рисунок повествовательного дискурса становится другим. Авторская рефлексия дается в нейтральном повествовании в безличной форме, содержащей экзистенциальные высказывания и предложения тождества, как, например, в рассказе «Bauernhaus»: (2) «Der Wanderer ist in vielen Hinsichten ein primitiver Mensch, so wie der Nomadep primitiver ist als der Bauer. <> Wenn es viele Menschen gäbe, in denen eine so tiefe Verachtung für Landesgrenzen lebte wie in mir, dann gäbe es keine Kriege und Blockaden mehr» [14, с.9]. Способ, каким организуется внимание читателя, не предполагает обозначение субъектов интеракции, однако, определение интенционального вектора возможно благодаря сравнению и условным отношениям, вводящим модус воображения и гипотетическую установку (wenn es gäbe). Субъектная область повествования в этом случае может быть графически изображена как $(S1) \rightarrow (S2+ S3+ ..Sn)$, в ней вектор интенциональности свидетельствует об адресованности сообщения неограниченному множеству субъектов.

Отсутствию субъекта (нулевой позиции, которая не исключает, а, напротив, предполагает активность двух других системных координат, времени и

места) прогнотивопоставлена ситуация изложения в том случае, когда субъектная позиция заполнена личным местоимением третьего лица, отрицанием или неопределенным местоимением. Местоимение третьего лица, неопределенное местоимение или отрицание свидетельствуют о деятельностной ориентации субъекта событийного пространства, являющегося субъектом физического действия, как, например, в рассказе Г.Гессе «Bergpaß»: (3) «Über die tapfere kleine Straße weht der Wind. Baum und Strauch sind zurückgeblieben, Stein und Moos wächst hier allein. Niemand hat hier etwas zu suchen, niemand hat hier Besitz, der Bauer hat nicht Heu noch Holz hier oben» [14, с.19]. Субъектная позиция последнего высказывания заполнена отрицанием, что указывает на когнитивную процедуру, связанную с субъектом рефлексии. Перспектива субъекта восприятия маркируется в пространстве дискурса использованием определенных (рестриктивных) артиклей, выступающих как знак присутствия описываемых объектов в поле внимания (Über die tapfere kleine Straße weht der Wind). Использование в повествовании пространственной координаты hier (элемента системы ориентации субъекта) указывает на присутствие наблюдателя, коммуникативная перспектива которого соотносена с субъектом рефлексии и восприятия. Отсутствие субъекта действия придает событийному пространству («истории») особый статус, наделяя его свойством вечности и перенося акцент в изложении на акт рассказывания. Заполнение субъектной позиции дискурса, таким образом, демонстрирует сложное пересечение коммуникативных и деятельностных ориентаций, придающее дискурсивному смыслу особую глубину.

Во всех трех случаях можно говорить о модели, открытой в реальную коммуникацию. Имплицированная система отсчета предполагает, таким образом, ориентацию на внешнюю коммуникативную ситуацию с центром – наблюдателем, основу ориентации которого образует его «вне-находимость», предпола-

гающая возможность для него системного видения событий и тех перспектив, из которых ведется повествование о них. С имплицитной системой отсчета связаны векторы, соответствующие актуальному модусу интенциональности.

Асимметричная дискурсивная модель в повествовательном дискурсе представлена двумя вариантами, диалогическим и монологическим. Асимметричная диалогическая модель предполагает ограниченное количество субъектов, их всегда двое, как, например, в последовательности высказываний: (4) «Lebe wohl, kleines Bauernhaus. Von dir nehme ich Abschied!» [14, с.12] Исследуемый фрагмент использует возможность персонификации, символического обобщения, метафора вводится в изложение как когнитивная операция, придающая обобщению более высокий уровень. Абстрактный характер второго субъекта свидетельствует о его репрезентативной (символической) функции. Асимметричная коммуникативная модель выделяет ролевые отношения, придавая особое значение взаимодействию между лицами или предметами. В системе ориентации диалогического отношения актуализирован вектор, направленный к Другому, эта направленность подчеркнута эмфазой Von dir, обращением kleines Bauernhaus (графическое изображение отношения между субъектами $S1 \rightarrow S2$). Векторный рисунок определен модусом воображения, подчеркнутого временем будущего, экспрессивностью императива, его обязательной актуальностью и адресованностью. Асимметричная интерсубъективная модель соответствует элементарной ступени интеракции, межличностной коммуникации, типичной для естественной коммуникации, но оказывающейся мало подходящей для акта рассказывания, о чем свидетельствует редкость употребления и ее подчеркнута символический характер. Внешнее подобие диалогической модели интерсубъективному реальному общению скрывает принципиальное несовпадение строения структуры реальной коммуникации с ситуацией общения, моделируемой в тексте

нарратива. Структура интерсубъективно-го взаимодействия должна, по определению, наиболее полно отвечать потребностям общения в условиях литературной практики. Суперпозиция наблюдателя призвана помочь читателю в понимании отношений между автором и героем, а автору видеть возможный потенциал взаимодействия читателя с миром его персонажей. Однако, реальная практика показывает, что интерсубъективная модель в ее исходной форме оказывается мало приспособленной для повествования в интенсивных жанровых формах. Короткий рассказ как интенсивная жанровая форма с момента ее появления использует «содержательную форму», в основе которой лежит стратегическая коммуникативная модель со свойственной ей эгоцентрической ориентацией.

Дискурсивное пространство ключевого эпизода рассказа Г.Гессе «Die Brücke» организовано деятельностной ориентацией субъекта рефлексии и коммуникативной перспективой субъекта речи: (5) «Wenn ich heut an jenen Abend denke, da ich hier meinen Abschiedsweg ging, so klingt die Trauer schon aus einer Ferne herüber, deren Blau und Duft von Kampf und Schrei nichts weiß» [14, с.39]. Направленное коммуникативное действие строится в соответствии с системой ориентации субъекта *ich – heut – hier*. Стратегическому коммуникативному действию свойственна замкнутая модель внутренней коммуникации, не имеющая непосредственной связи с внешней коммуникацией. В отличие от интерсубъективной модели модель стратегического коммуникативного действия строится как готовая модель поведения для реальных участников общения, что предполагает «вживание» в роль героя, принятие его позиции. Векторный интенциональный рисунок свидетельствует об обращенности в прошлое (модусе воспоминания, находящем выражении в указании *an jenen Abend* и временной форме претерита в модальной функции), и одновременной направленности рефлексивного действия из прошлого в настоящее *aus einer Ferne herüber*, связы-

вающей события с моментом говорения о них.

Стратегическая коммуникативная модель используется в коротком рассказе как интериоризированная форма, придающая изложению интимный, персональный оттенок. Достоинства этой модели, избавляющей акт рассказывания от излишней абстрактности, превращаются, вместе с тем, в ее изъяны, так как замкнутость изложения ограничивает возможность создания «поля понимания» для реальных участников общения. Поиск компромисса приводит к появлению формы коллективного субъекта *wir*, секрет которой заключается в ее выраженной способности существовать в двух ипостасях, в инклюзивной и эксклюзивной разновидности (включающей или исключающей адресат речи). Дискурсивные процедуры, связанные с выбором деятельностных ориентаций и коммуникативных перспектив, определяют облик «содержательной формы» в каждом акте рассказывания, как это происходит, например, в следующем эпизоде рассказа «Die Brücke»: (6) «Jetzt gehen wir wieder, jeder an seinem Bach und auf seiner Straße, und sehen die alte Welt, Gesträuch und Wiesenhang, aus stiller und müder gewordenen Augen an» [14, с.38]. Перспектива субъекта речи получает экспликацию во временной координате *jetzt*, противопоставленной квантитативным и хронологическим временным характеристикам предшествующего эпизода (*einmal, in der Zeit des Krieges*). Если в предшествующем изложении местоимение *wir* сигнализировало об его использовании для обозначения множества субъектов физического действия, что подчеркнуто в анализируемом эпизоде выделением элементов этого множества *jeder an seinem Bach und auf seiner Straße*, в эпизоде (6) субъектная позиция включает субъект восприятия, обозначенный перцептивным действием *sehen* и субъективными оценками *alt, stiller und müder gewordene Augen*. «Положение дел» дано в двух временных плоскостях, оказываясь благодаря рефлексивной перспективе в актуальном фокусе и превращаясь в ее

предмет: Wir denken an die Freunde, die begraben sind, und wissen nur, es mußte sein, und tragen es traurig. Собирательное имя субъекта рефлексии (в дополнение к знаку субъекта речи) позволяет эксклюзивной форме действовать подобно инклюзивной, вовлекающей адресата в рефлексивное действие.

Возможности контаминации стратегического коммуникативного действия и интерактивной модели существуют в том случае, когда используется временная модель проспективы: (7) «Und einmal wird von allem nichts mehr da sein, was mein Leben verzerrt und gequält und oft mit so schwerer Angst erfüllt hat. Einmal wird mit der letzten Müdigkeit der Friede kommen, und die mütterliche Erde wird mich in sich nehmen. Es wird nicht zum Ende sein, wondern zur Wiedergeburt, es wird ein Bad und Schlummer sein, in dem Altes und Verwelktes hinsinkt, und Junges und Neues zu atmen beginnt. Dann will ich wieder, mit anderen Gedanken, solche Straßen gehen, und Bächen zuhören, und Abendhimmel belauschen, immer und immer wieder».[14, с.39] Проекция в будущее, обозначенная глагольной временной формой, направляет вектор интенциональности в возможный мир, наделенный признаками всеобщности, что подчеркнуто безличным субъектом *es* и глаголами состояния «Es wird nicht zum Ende sein, wondern zur Wiedergeburt, es wird ein Bad und Schlummer sein». Субъект речи и одновременно субъект рефлексии, данный в статусе экспериенцера (факт, находящий выражение в использовании личных местоимений в косвенных падежных формах и притяжательных местоимений) вводится системой ориентации, вектор интенциональности в которой направлен от внутреннего мира к внешнему.

Статус субъекта высказывания, как показывает анализ, связан со всем пространством дискурса и определяется типами предиката и модальной и временной характеристиками высказываний, становящимися частью единой системы ориентирования. Предлагаемый нами подход позволяет понять сущность нар-

ративной функции временной формы перфекта, заключающейся в интеграции коммуникативных и деятельностных перспектив в акте рассказывания. Так, в последовательности высказываний во фрагменте рассказа Г.Гессе «Die Brücke» временная форма перфекта маркирует момент перехода от ситуации восприятия к экспозиции, т.е. в момент смены актуального модуса модусом воспоминания: (8) «Ich bin diese Straße schon einmal gegangen – schon oft, oft, aber besonders einmal. Das war in der Zeit des Krieges, und mein Urlaub war zu Ende, und ich mußte wieder wegreisen»[14, с.37]. Модальность изложения свидетельствует о действительных событиях, глагольное время (*war*) указывает на принадлежность событий к сфере прошлого, квантитативная временная характеристика (*einmal, schon oft, oft*) – на их повторяемость, в то время как хронологическое время (*in der Zeit des Krieges*) характеризует временной план происходящего. Создаваемая модель мира обнаруживает несколько измерений, создающих особую семантическую глубину изображаемого. Пространство событий и акт рассказывания становятся единым целым в акте синтеза, языковым средством осуществления которого является форма перфекта. Эта временная форма реализует свойство перспективы, соотнося время событий с моментом говорения о них [13, с.125]. Другое предназначение временной формы перфекта в анализируемом эпизоде состоит в обозначении модуса воспоминания, показывающим, что событие принадлежит пространству рефлексии, а не действительным событиям. В тексте нарратива, кроме того, содержится указание на ситуацию восприятия (*diese Straße*), отсылающую к еще одному субъекту, субъекту восприятия. В субъектной позиции повествовательного дискурса оказываются, таким образом, совмещенными субъект речи, субъект физического действия, субъект рефлексии и субъект восприятия, что позволяет связать все деятельностные перспективы с коммуникативного перспективой субъекта речи. Если обратиться в структуре

системы ориентации, можно обнаружить, что в системе векторов в описываемом фрагменте повествования актуализированы вектор, указывающий на движение от внешнего к внутреннему миру (знаком которого является указательное местоимение) и от внутреннего мира к внешнему и от настоящего в прошлое (модус воспоминания и ретроспектива).

Подводя итоги проведенному анализу, можно утверждать, что исследование субъектной позиции в дискурсе обнаруживает ее многомерность, отражающую сложное взаимодействие коммуникативных и деятельностных перспектив, которые создают объем семантического мира повествования. Идеально приспособленной для сложной «языковой игры» в литературной коммуникации является система ориентации субъекта, способная участвовать в качестве особого системного знака в процессах синтеза и вовлекать в эти процессы другие языковые средства, такие как темпоральный субъективный дейксис и формы наклоения. Возможность использования языковых категорий в зависимости от требований «интенциональной программы» позволяет мгновенно реагировать на любую возникающую коммуникативную задачу в языковой игре и адекватно реализовать выбранную последовательность действий. Система ориентации образует ситуационную канву, на основе которой моделируются необходимые для создания «образа мира» связи. Анализ дискурсивных субъектных позиций дает возможность определить условия использования и функциональную нагрузку языковых категорий в последовательности высказываний, в которой реализуется интенциональная программа производства и восприятия нарратива.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гадамер Г.Г.* Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.
2. *Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
3. *Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С.144-238.
4. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. Б.: БГК им. И.А.Бодуэна де Куртене, 1998.
5. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Философские работы. Часть 1. М.: Гнозис, 1994. С.77-319.
6. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000.
7. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С.7-180.
8. *Вригт Г.Х. фон.* Логико-философские исследования: Избр. труды. М.: Прогресс, 1986.
9. *Бюлер К.* Теория языка. М.: Прогресс, 2000.
10. *Розеншток-Хюсси О.* Речь и действительность. М.: Лабиринт, 1994
11. *Матурана У.* Биология познания // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1996. С.95-142..
12. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1996.С.14 -- 94.
13. *Latzel S.* Die deutschen Tempora: Perfekt und Präteritum. In : Heutiges Deutsch. Linguistische und didaktische Beiträge für den deutschen Unterricht III/2. München, 1977, S 23-154.
14. *Hesse H.* Wanderung. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1984. – 129 S.

REGULATORS OF INTENTIONALITY IN THE NARRATIVE ACT

© 2002 N.K. Danilova

Samara State University

The article is devoted to the study of the origo-system participation in creation of strategic and interactive communication patterns. Special attention is paid to relations between real and unreal communicative situations of literature discourse practice.